

ПЕРЕКРЕСТОК

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Осенью 1830 года в Болдине написан прозаический отрывок о «приятеле»-стихотворце. «Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтоб пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постель и писал до пестухов,— читаем в отрывке.— Это продолжалось у него недели две, три, много месяцев, и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастье».

Счастье Болдинской осени — не обстоятельства жизни Пушкина, а жизнь Пушкина вопреки обстоятельствам, часто несчастливому, неблагополучному, грозному («Рок завистливый бедою угрожает снова

мне»). Творчество, отдаваясь которому Пушкин переламявал, перемалывал обстоятельства, делал свою жизнь счастливой и прекрасной: «Я в Болдине писал, как давно уже не писал»!..

В последний день августа поэт, отправляясь в неведомую нижегородскую вотчину, пишет другу Плетневу — за каждым словом письма те самые несчастливые обстоятельства, которые (Пушкин этого не знает пока) будут преодолены творчеством и вместе воплощены в нем: «Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан»...

Болдинская осень начинается 7 сентября 1830 года смятенными, тревожными «Бесами»:

Всегда мне слипают очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!

Метель, бездорожье среди разбушевавшейся стихии, кружение в непроглядной мгле (куда выведет и выведет ли!) — исполненная глубокого и неоднозначного смысла, многократно повторяемая в русской литературе тема.

Спустя шесть недель здесь же, в Болдине, — повесть «Ме-

тель»: снова занесло дорогу, небо слилось с землею, все, казалось, запутано, неразрешимо... Но: невозможное — возможно. Хочется верить, что — возможно.

Назавтра после «Бесов» — 8 сентября — «Элегия». «Мой путь уныл...» И все же: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (в рукописи было — «и мечтать», Пушкин заменяет: «страдать»). Страдания неизбежны, наверно, необходимы, но — «жить хочу»; жизнь не исчерпана (тем более не исчерпывается страданиями):

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

Черт догадал бредить, но чувствует — гармония, вымысел уже на пороге, а с ними истинное счастье.

И еще на завтра — 9 сентября — два письма. Наталье Николаевне: «Верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе». И — Плетневу: «Ты не можешь вообразить, как весело ударить от невесты, да и засесть стихи писать». Письма не противостоят — продолжают одно другое. Хочется поверить, что создан для счастья любви, но как радо-

стно вдруг захватившее счастье творчества («Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов»).

Помним у Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Болдинская осень — в силу своей пространственной и временной замкнутости (три месяца на одном месте и в одиночестве — тоже немаловажно!), наверно, лучше всякой иной поры в жизни поэта открывает счастливую возможность для уяснения самой занимательной науки.

Едва мы расположим все созданное Пушкиным непостижимой осенью 1830 года не по привычному жанровому принципу, а примерно в той последовательности, как оно писалось, едва (внешне на первый взгляд!) все смешается — стихи, проза, драматические сцены, статьи, «Онегин», сказки, письма к Наталье Николаевне, Плетневу, Дельвигу, едва мы пойдем за Пушкиным «след в след» — от повести к эпиграмме, от эпиграммы к письму, от письма к незавершенному стихотворению, а от него к трагедии или «замечаниям на собственные сочинения» — сразу выявится, что перед нами не только соб-

рание созданного Пушкиным за сентябрь—ноябрь 1830-го, но — в совокупности созданного — некое новое единство и цельность, где связаны, соединены в сплав напряженные раздумья поэта о мире в себе и мире вокруг, о человеке в мире, о прошлом, настоящем, будущем, повороты настроения, подчас легко объяснимые, подчас необъяснимо сложные, творческие итоги и опыты.

Но хронологическое размещение материала — лишь первое прикосновение к «занимательнейшей науке». Движение творческой мысли Пушкина не только в том, что за чем пишется, не только в последовательности смены тем и жанров, но в движении, развитии, видоизменении тем, сюжетов, образов, как бы перетекающих из одного творения в другое, из одного жанра в другой, обретающих все новые и новые воплощения.

Страшные бесы первого болдинского стихотворения (в черновике есть и бесенок) шесть дней спустя вдруг явятся в совершенно комическом облике в «Сказке о попе и о работнике его Балде», а почти через два месяца в «Истории села Горюхина» окажется Бесовское болото, недалеко от которого одна полуум-

ная пастушка стерегла стадо свиней и забеременела, в чем глас народный обвинил болотного беса. Шутка, конечно, хотя стадо свиней на берегу Бесовского болота поневоле настораживает мысль («И бесы просили Его: если выгоним нас, то пошли нас в стадо свиней» — от Матфея, 8, 31) — не забудем изумительно точного определения Гоголя: у Пушкина в каждом слове «бездна пространства» (нужно оценить это сочетание: бездна — пространство). И разве не «бесы», претворенные во множестве соблазнов (от которых «горе миру», по евангельскому слову), на каждом шагу уводят человека с истинного пути, толкают, влекут к преступлению, преступлению завета, заповедей, преступая которые человек несет горе миру и себе, ибо «горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (от Матфея, 18, 7). И как часто человек «тягаться слабеек» с этими бесами — в кружении своем, в страшной своей игре они возводят бесконечные препятствия на пути людей к счастью, несут в мир ложь, кощунство, предательство, убийство.

В тех же «Бесах», которыми начинается Болдинская осень, — тема дороги, понимаемая и как передвижение в пространстве, и как движение во времени — дорога жизни. Герои Пушкина едут, покрывая версты и годы: в Болдине написано «Путешествие Онегина» и «Дорожные жалобы» — глубокая дума о собственной «блуждающей судьбе», при большой дороге разворачивается действие «Станционного смотрителя», и вся белкинская-пушкинская «Метель» — дороги судьбы в непроглядной для человеческого взора мгле, неожиданно расходящиеся и так же неожиданно

сходящиеся в ином месте и в иное время.

«Метель» закончена 20 октября; на полях рукописи помета: «19 октября. Сожжена X песнь» (неделю спустя в первом же монологе Сальери: «Я жег мой труд»...). Речь о десятой, так называемой «декабристской» главе «Онегина», сожженной поэтом в памятный день лицейской годовщины и частью зашифрованной (одна из загадочных страниц пушкиноведения), но и в самой «Метели» находим отблеск этой «славной хроники» — несколько строк о войне 1812 года и как бы прозреваемых ее последствиях, те несколько строк, что начинаются словами: «Между тем война со славою была кончена»; в этих нескольких строках такая «бездна пространства», что из них, право, мог бы «выйти» роман, как из пушкинского же незавершенного отрывка «Гости съезжались на дачу», когда задумался над ним Лев Николаевич Толстой, «вышла» в конце концов «Анна Каренина».

И опять-таки в «Бесах» — «Сбились мы. Что делать нам!» — главный вопрос бытия: как выбрать путь, блуждая в метели, когда «следа не видно», что делать, как жить «бездны мрачной на краю», когда Черный человек стучит в дверь, чтобы заказать реквию, когда по улицам зараженного города разъезжает черная телега чумы. О нравственной позиции человека, о высокой его ответственности за всякий свой шаг Пушкин напряженно, глубоко размышляет на каждой странице своей Болдинской Книги. Он ищет ответ на вопрос, сопрягая и противопоставляя жизненный и духовный путь своих героев — Татьяны и Онегина, Моцарта

и Сальери, удивляясь странностям судьбы в счастливых и вместе (все-таки) печальных исходах «Повестей Белкина», обращаясь к умершим возлюбленным со стихами, полными живой страсти, любви, не оборванной смертью («Заклинание», «Для берегов отчизны дальней»), в «Пире во время чумы», слушая мужественный гимн Председателя («Есть упоение в бою») и «жалобную», напоминающую о самоотвержении песню Мери...

Болдинская осень — это непрерывные и многообразные поэтические искания «духовного труженика», одаренного, подхваченного вдохновением, то есть (определение Пушкина) «расположением души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных». В «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» поэт обращается к жизни:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

У Пушкина читаем: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет».

Счастье творчества — в освоении и перевоплощении жизни с ее опытами («опыты быстротекущей жизни») и трудной школой, в сотворении мира и постижении его. Впрочем, по-своему точен и обратный порядок: в постижении мира и сотворении его.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ.

Приводим фрагмент черновой рукописи драмы «Каменный гость» [октябрь — 4 ноября 1830 г., Болдино].

